

2. В фонетическом отношении наблюдалось сокращение или искаженное произношение слов: вместо слова *қазір* 'сейчас' употребляется *кәзір* или *кәз*, например, *Кәз кім қарайды?* 'Кто сейчас смотрит?'. Также по произношению испытуемых можно было наблюдать их региональную принадлежность. К примеру, исследователь записал телефонный разговор девушки, которая родом из местности Сарыагаш (юг Казахстана). В своей речи девушка вместо слова *мына жақта* 'на этой стороне' (характерно для жителей северных и центральных регионов Казахстана) употребляла *мынаяққа* 'сюда', например, *Мынаяққа келе берініз...* 'Сюда идите...'. Испытуемые проявляли стремление к языковой экономии, например: *Шүкір жақсы көшті... орналасватыр... короче жиырма бірі Асландар барады құдай қаласа* 'Слава богу переехали обустроиваются... короче... 21 числа Аслан и его семья дай бог поедут'. Как видно, окончание слова *орналасватыр* (*орналасу* 'обустраиваться на новом месте') не существует в казахском языке, но употребляется в глаголах казахского языка в разговорной речи.

3. Мужская и женская речь имеет свои различия. Интонация мужчин более резкая, жесткая, речь обрывистая и содержит больше нецензурной лексики, жаргонизмов: [нецензурное слово] *Мынау қуады зой...* 'Он же гонит...'. Слово *қуады* является в современном казахском языке жаргонизмом, часто употребляемым молодыми людьми, и одновременно является калькой с русского языка от слова *гнать* 'вести себя неадекватно, быть ненормальным, сумасшедшим'.

4. Часто в речи в современном казахском языке употребляют такие выражения, как *Құдай бюрса, Алла жазса* 'Дай Бог': *Шүкір жақсы көшті... орналасватыр... короче жиырма бірі Асландар барады құдай қаласа* 'Слава богу переехали обустроиваются... короче... 21 числа Аслан и его семья дай бог поедут'. Данный факт связан с тем, что среди молодых людей исламская религия, чтение намаза и соблюдение поста приобретают все большую популярность, что естественным образом проявляется в речи.

Таким образом, проанализировав аудиозаписи, мы пришли к выводам, что в современном казахском языке присутствуют свои особенности: наличие русских вкраплений и междометий, что является естественным явлением в условиях двуязычия Казахстана. Что касается фонетических аспектов, можно отметить фонетические редукции в словах, в частности глаголах. Произношение дает нам информацию о региональном происхождении испытуемых. Еще одна особенность, которую хотелось бы отметить: это малое количество или отсутствие сленгов и иноязычной лексики в речи.

В. Ю. Клеймёнова (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГЕМА: ВАРИАТИВНОСТЬ И ИНВАРИАНТНОСТЬ

Мифологичность есть имманентная характеристика человеческого сознания, которое тысячелетиями пользуется своеобразной символической системой для восприятия и описания реальности. Миф предлагает человеку

проверенную временем жесткую, инвариантную логико-символическую конструкцию репрезентации мира («арматуру мифа» в терминах К. Леви-Стросса), которая характеризуется вариативностью наполнения. Миф – это основа современной культуры, активно создающей новые варианты традиционных образов в процесс ремифологизации. Формирование современного мифологического пространства предполагает, с одной стороны, воспроизведение неизменных вечных начал, а с другой стороны, создание новых мифологем, т. е. семантически значимых структурно-смысловых единиц, которые отражают экзистенциальную специфику сегодняшнего дня.

В соответствии с постмодернистской парадигмой автор играет с читателем, мистифицирует и мифологизирует отдельные фрагменты действительности. Однако в медийном дискурсе выбор фрагмента действительности, которому предназначено стать мифологемой, определяется не столько индивидуальными предпочтениями пишущего, сколько социальным заказом на формирование системы ценностей и поведенческих ориентиров современного социума. Средства массовой информации активно используют возможности мифа для создания новых образов по традиционным моделям. Это позволяет отказаться от метода логического убеждения адресата, довольствуясь воспроизведением традиционных образов в несколько «осовремененном» варианте.

Структурной основой мифа являются многочисленные инвариантные бинарные оппозиции архетипов («добро – зло», «протагонист – антагонист» / «герой – злодей», «жизнь – смерть», «свет – тьма», «свой – чужой» и т. д.), каждый из которых характеризуется вариативностью актуализации посредством собственного набора мифологем. Например, в современном англоязычном медийном дискурсе активно формируется мифологема «хакер» (контекстуальные варианты «русский хакер», «китайский хакер») как одна из разновидностей образа антагониста наряду с уголовником, работником и педофилом (*criminal gangs, people-traffickers and paedophile rings as well as Russian hackers*).

Хакер становится излюбленным персонажем газетных статей, его выводят на передний план, поскольку использование новой мифологемы позволяет решить несколько прагматических задач. Во-первых, компенсировать недостаток знаний коммуникантов о реальных причинах событий и, предложив готовое стереотипное решение проблемы, избавить читателя от необходимости обдумывать информацию. Новая мифологема, как и ее традиционные предшественники, помогает объяснять мироустройство, создавать пояснительную схему межличностных отношений, формулировать нормы и правила социальной активности личности. Взаимодействие хакера и политика в описанной ситуации можно сравнить с работой мышц антагонистов, обеспечивающих противоположные по отношению друг к другу действия, например разгибание и сгибание конечностей, которые обеспечивают движение тела.

Во-вторых, актуализировать аксиологический шаблон, существующий в сознании адресата и основанный на ведущем лейтмотиве мифа – борьбе зла и добра; следовательно, протагонисту, наделенному всеми возможными

добродетелями, должен противостоять воплощению зла – антагонист. Хакер как вариант злодея очень гибок, в зависимости от описываемой ситуации он может погубить и кандидата в президенты, и авиакомпанию. Жертвы хакеров, в свою очередь, оцениваются исключительно положительно, так как они подверглись нападению злодея, и в такой ситуации их моральное превосходство аксиоматично. Именно бинарная оппозиция «герой – злодей» позволяет автору не использовать в тексте узуальные оценочные лексические единицы, эмоционально окрашенное отношение передается имплицитно.

Авторы статей прибегают к гиперболизации, и мифологические хакеры в статьях обладают поистине сверхъестественными возможностями: уникальные интеллектуальные способности позволяют придумывать программы для взлома любой максимально защищенной компьютерной сети и благодаря этому получить контроль над демократическим обществом. Подобная демонизация легко объяснима. Мы склонны оценивать силу человека по тем препятствиям, которые он может преодолеть, по тем противникам, с которыми он может справиться. Чем сильнее противник, тем ценнее победа. Поэтому политик, против которого выступают хакеры, изначально воспринимается как сильная личность, достойная восхищения и поддержки на выборах, а у читателя формируется иллюзия участия в борьбе со злом, своей важности и незаменимости в этом мире. Эта иллюзия особенно приятна, поскольку хакер обречен, ведь в мифе добро всегда побеждает зло.

Так и мифологема «хакер» как вариант антагониста в медийном дискурсе становится не только движущей силой сюжета, но и движущей силой развития политической и общественной жизни.

Л. А. Козлова (АлтГПУ, Барнаул, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ
КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА ГЛАГОЛА
(на материале английского языка)

Вариативность является имманентным свойством языка, которое находит свою манифестацию в процессах функционирования языка, предоставляя говорящему выбор того варианта, который наиболее полно соответствует языковой норме, отвечает коммуникативным интенциям говорящего, коммуникативному кодексу, принятому в данном лингвокультурном сообществе, и ситуации общения. Появление вариантов для передачи идентичного смыслового содержания обусловлено целым комплексом факторов структурного, семантического и прагматического характера: вторичной номинации, заимствований, имеющих место в результате языковых контактов, а также изменений статуса языковых единиц под влиянием различных внутриязыковых процессов. Сегодня, в контексте когнитивно-коммуникативной парадигмы, основное внимание уделяется изучению когнитивных и прагматических факторов, обуславливающих вариативность. Однако системно-структурные факторы не утратили своей значимости, и только интеграция всех факторов может обеспечить, на наш взгляд, глубину анализа языковых явлений.